

Александр Цой

Русские частицы как объект лексикографии

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 10, 137-145

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Александр Цой

Лодзинский университет, Кафедра языкознания Института русистики (Польша)

РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Слова, выполняющие неноминативную функцию, то есть не являющиеся обозначением предметов, признаков, процессов, а служащие для выражения отношений между явлениями действительности и употребляющиеся только в соединении со знаменательными словами, в русистике отнесены к служебным. Они неизменяемы, морфологически нечленимы, как правило, безударны, являются проклитиками или энклитиками. Служебные слова, как грамматические и лексические единицы, противопоставлены знаменательным словам, поскольку лишены номинативных значений, присущих знаменательным словам. Служебные слова, как известно, не обозначают предметы, процессы, свойства и т.д., морфологически не изменяются и не обладают грамматическими категориями и синтаксически не занимают позицию члена предложения. Они используются как формально-грамматические средства языка: например, предлоги выступают в синтаксемах и служат для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, союзы – выражают различные семантико-синтаксические отношения между предложениями и частями предложений, а частицы при отдельных словах и в предложениях различных типов позволяют выражать разные оттенки субъективной модальности. То есть предлоги являются одним из элементов предложно-падежных форм, союзы имеют фиксированные синтаксические позиции, а частицы выполняют прагматическую функцию.

Лексическое значение служебных слов абстрагировано от отношений, которые они выражают в предложении. Служебные слова объединяются в части речи на основе функционально-грамматической общности, и в этом отношении они приближаются к словоизменительным морфемам и находятся на грани словаря и грамматики (Васильева 1990: 472–473). Не случайно Е.А. Стародумова считает служебные слова морфемами особого рода – частями других единиц, в формировании которых участвуют служебные слова того или иного класса. Исходя из этого, предлог определяется ею как морфема словоформы (исключая послелогов и «союзные» предлоги), союз – как

морфема синтаксической конструкции, а частица – как морфема коммуникативной единицы (Стародумова 1996: 29).

В. Гладров считает, что специфической особенностью служебных слов, в отличие от знаменательных, является то, что они выполняют оперативную функцию. Поэтому он называет их структурными или функциональными словами и различает оперативные прагматические части речи т.е. модальные слова, частицы и оперативные грамматические части речи т.е. предлоги, союзы (Гладров 2004: 219).

Русские частицы, как и все служебные слова, не являются словами в общепринятом смысле, поскольку не обладают всеми признаками знаменательных слов. Выполняя грамматическую функцию, они при этом сохраняют фонетическую цельнооформленность слова, например, таковы частицы, входящие в состав глагольных форм: *бы, пусть, давай*.

Русские частицы, с нашей точки зрения, находятся на периферии интересов теоретической лексикографии и поэтому нуждаются в особом внимании.

Целью статьи является установление особенностей русских частиц, затрудняющих их атрибуцию в структуре словарной статьи толкового словаря.

Анализ показывает, что толковый словарь русского языка не является полноценным систематизирующим и обучающим средством, так как в нем недостаточно полно и не всегда объективно кодифицируются русские частицы, выполняющие в языке существенные функции. Рассмотрим основные особенности, которые не позволяют описывать частицы в словарях соответственно их языковой природе.

Начнем с того, что определение общего частеречного значения для слов, относящихся к классу частиц, до настоящего времени не сформулировано, поскольку их особенность в том, что они не имеют строго очерченных границ, позволяющих однозначно относить те или иные лексические единицы к частицам. В.В. Виноградов так квалифицирует частицы: «частицы – это несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридно-полулексического, полуграмматического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны» (Виноградов 2001: 663–664).

Частицы, как известно, в отличие от предлогов и союзов, границы которых определены их категориальным единством, еще не получили в русском языкознании однозначного статуса. «Зыбкость признаков, на основании которых можно было бы утвердительно отнести ту или иную лексическую единицу к классу частиц, не позволяет однозначно квалифицировать частицу как часть речи, а вопрос о границах, конкретизирующих грамматический статус частиц, до сих пор не решен» (Лекант 2001: 391–393).

При изучении русских частиц сначала основное внимание было направлено на рассмотрение частиц как класса слов, объединяемых общими признаками. Затем появились работы, посвященные разрядам частиц или

отдельным частицам, в которых основное внимание было сосредоточено на изучении функций частиц и их союзных свойств (Борисова 1999: 70–85); (Торопова 2001: 86–96).

Определенный период русское языкознание рассматривало частицы на синтаксической основе. Синтаксический подход к изучению частиц позволил выявить особенности семантики, а также их распространенность на всех уровнях синтаксиса. В структуре предложения частицы, как известно, выполняют различные функции: участвуют в построении предложений и усиливают предикат, вносят дополнительные оттенки в значения других слов, дополнительно характеризуют высказывание. Общеизвестным считается положение о том, что грамматическим признаком частиц является их несамостоятельность. Исследованиями лингвистов было установлено, что при нулевых морфологических показателях частицы имеют дифференциальные синтаксические признаки, к которым следует отнести формирование семантической структуры предложения, оформление актуального членения, обозначение его целеустановки.

Напомним, что при разработке семантики слова общепринятой была ориентация на то, что изучение связи и отношений между вещью (предметом, референтом, денотатом), идеей (мышлением, понятием, значением, сигнификатом, десигнатом, вообще интерпретацией предмета) и именем (словом, знаком, текстом) представляет собой фундаментальный вопрос семантики (Новиков 2001: 344–345). Затем семантика лексической единицы стала рассматриваться на фоне прагматики.

В настоящее время общепринятым и устоявшимся является взгляд на языковой знак как на лексическую единицу, характеризующуюся четырьмя составляющими: именем (означающим), семантикой (означаемым), синтактикой и прагматикой. Семантика подразумевает передачу сведений «о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений» (Апресян 1995: 56). Сведения о правилах взаимодействия определенного знака с другим знаком есть его синтактика, а информация, фиксирующая отношение говорящего или адресата сообщения к конкретной речевой ситуации, составляет прагматику знака.

К настоящему времени исследователями установлено, что частицы составляют функционально неоднородную группу слов. Ю.Д. Апресян считает, что наиболее соответствующим языковой природе этих служебных слов признается такой подход, который позволяет выделить в частице объективную информацию и субъективную интерпретацию (Апресян 1995: 56–57). То есть частицы отличаются от предлогов и союзов тем, что основная функция частиц заключена в выполнении *прагматической* функции. Являясь вербальным средством выражения актуализации, частицы обычно обладают функцией, которая заключается в обращении внимания реципиента на

значимой, с точки зрения продуцирующего высказывание, информации, подчеркивании ее важности и т.п.

Исходя из общей коммуникативной сущности частиц, Е. А. Стародумова условно делит их на две группы. Первая группа – это частицы, обслуживающие устную (разговорную), диалогическую речь, и вторая группа – это частицы, используемые в письменной, монологической речи (Стародумова 1988: 19).

К первой группе относятся экспрессивно-оценочные частицы, выражающие эмоции и различные оценки: удивление (*ничего себе*); недоверие (*да ну*); сомнение (*вряд ли*); восхищение (*во, красота*); иронию (*разве*) и др. Частицы, относящиеся ко второй группе, передают различные смысловые отношения (*едва не, если, именно, ровно, решительно, совершенно, точно* и др.) (Стародумова 1988: 19). Из сказанного выше для лексикографии важным является определение статуса частиц и выявления всех их типов.

В своем большинстве частицы участвуют в формировании коммуникативной структуры высказывания и имеют постоянный коммуникативный статус, в связи с чем коммуникативная организация предложения, индуцируемая частицей, не может быть отменена ни порядком слов, ни интонацией (Апресян 1988: 10–22). Если в высказывании используется языковой элемент, то он должен обладать определенным значением на уровне коммуникации. Частицы в высказывании модифицируют семантику и информативную структуру высказывания. Количество таких значений у частицы, как нам представляется, может быть неопределенно бесконечным, так как неопределенно бесконечным могут быть ситуации ее употребления. Данное положение можно выразить формулой $P + n = Pn$, где знак P означает ту или иную русскую частицу, n – коммуникативную ситуацию, а Pn – значение частицы на уровне конкретной коммуникативной ситуации.

Г. А. Золотова на смену дихотомическому расчленению формы и значения в языковой единице предлагает ввести в научный обиход трихотомию расчленения языковой единицы на форму, значение и синтаксическую функцию, апеллируя к трихотомии как критерию идентификации языковых единиц, как условию их существования и изучения, как основы для воссоздания последовательной иерархической системы в представлениях о языке (Золотова 2004). Данный подход, как представляется, применим к исследованию знаменательных частей речи, но в русском языке частицы, как и другие служебные слова, лишены номинативной функции. То есть можно утверждать, что в русском языке частица обладает более сложной, чем единицы знаменательные, четырехэлементной структурой, в которой, наряду с формой, значением и синтаксической функцией, следует учитывать ее (частицы) прагматическую функцию, определяемую по функциям разнообразных коммуникативных характеристик высказывания. Общим для этих функций является то, что во всех случаях в них присутствует значение отношения: или отношения (отнесенности) действия, состояния либо целого сообщения

к действительности, или отношения говорящего к сообщаемому, причем эти виды отношений очень часто совмещаются в значении одной частицы.

Частицы вносят важный вклад в обеспечение более полного взаимопонимания в процессе речевой коммуникации, поскольку добавляют различные по важности главные и дополнительные смысловые, эмоционально-экспрессивные, модальные значения в отдельные слова, словосочетания, целые предложения, они отражают характер взаимодействия говорящего и его адресата, выражают позицию говорящего, а именно, как он относится к содержанию сообщаемого; подтверждает или не воспринимает информацию; соглашается с информацией или нет; считает эту информацию истинной или нет; с чем соотносит эту информацию в пространственно-временном континууме; определяет соответствие, уместность и точность новой информации с ранее полученной.

Анализ семантики частиц требует учета внешних по отношению к высказыванию меняющихся факторов: участников коммуникативного акта, их фоновых знаний и уровня образования, их отношения к получаемой информации, их мнений, коммуникативной ситуации. Для современной лингвистической прагматики подобный учет осуществить вполне возможно, поскольку она оперирует научным аппаратом таких категорий, как речевой акт, участник речевого акта, условия успешности речевого акта, его иллокутивная функция, пресуппозиция и т.д.

Еще одной характерной особенностью частиц является их высокая подвижность на синтаксическом и семантическом уровнях. Частицы обычно стоят в начале предложения (высказывания), выполняя коммуникативную функцию, а также используются в сфере прагматического плана синтаксиса.

Обычно частицы в предложении выполняют несколько синтаксических функций, обусловленных многоаспектным характером как простого, так и сложного предложений. Степень участия и значимости частиц в оформлении логических, структурных, семантических и коммуникативных аспектов предложения различна. Интенсивность и степень участия частиц в оформлении указанных аспектов предложения функционально различается, поскольку с одними из них связаны ее первичные функции, с другими – вторичные. Функции и значения частиц не связаны между собой строго закрепленными отношениями, а это является главным условием бесконечного преобразования семантики частиц, обусловленного неисчислимым количеством коммуникативных ситуаций, вследствие чего формируется *полисемия*, которая представляет серьезную проблему для лексикографии. Значение частиц тесно связано со структурой всего высказывания, что не всегда позволяет его строго выделить; кроме того, значения частиц подвижны, абстрактны, метафоричны, что не дает возможность кодифицировать их в словарной статье толкового словаря в четких определениях. Поэтому в словарной статье на частицу, как правило, предлагается ряд разных и не связанных между собой значений многозначного служебного

слова. Следовательно, следующей важной задачей для лексикографии является установление типов значения русских частиц, их верификация и последовательность их филиации в словарной статье толкового словаря.

Существенной проблемой для лексикографии является наличие в системе русских частиц разнообразных разрядов по функциям и структуре (строению). В *Русской грамматике* выделяются следующие основные разряды частиц:

1) формообразующие частицы, то есть частицы, образующие формы слов (*дай(те)*, форму повелительного наклонения: *дай(те) читать*; *бы*, форму сослагательного наклонения: *Я бы прочел*), и частицы, образующие формы предложений (*пусть, пускай, да, чтоб*);

2) отрицательные частицы (*не, ни*);

3) вопросительные частицы (*а, ли (ль), не ... ли, как, неужели, никак, разве, что, что за, что ли* и др.);

4) частицы, характеризующие признак, действие или состояние, по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности осуществления (*было, бывало, бывает, едва (было) не, как, мало не, ну, нет-нет (да) и, так и, только что не, чуть (было) не* и др.);

5) модальные частицы (*а, а то, бишь, было б, ведь, вот и, вот тебе (те) и, всего-навсего, всё, где, дай, дай-ка, едва ли не, знай (знай себе), и, (и) без того, и есть, или, и так, и то, как есть, как не, куда как, ладно, но, ну-ка, ну как, ну уж, оно, прямо, разве, так, так-таки, что за, что из того, что ни на есть, чуть ли не* и др.);

6) частицы, утверждающие или отрицающие реплики диалога (*есть, точно, так, действительно, именно, вот, вот именно, как есть, ну да, хорошо, ладно, идет, ну и др.*). Выделяются в русском языке и собственно частицы *бы, вон, -ка, не, то, уж, неужели, разве*. Они всегда квалифицируются как частицы и не имеют омонимов.

По своему строению все частицы делятся, с одной стороны, на простые, состоящие из одного слова (все первообразные (*бы, вишь, да (в составе формы повелительного наклонения), дескать, же, ишь, не, небось, нет, неужели, ну, -с, таки* и др.) и производные (*а, благо, бывало, было, будто, ведь, вовсе, где, даже, дай(те), действительно, еще, знай, и, или, лучшие, никак, но, однако, поди, пусть, пускай, разве, решительно, ровно, спасибо* (в значении *хорошо*), *так, чисто, эк, это*), с другой – на составные, образовавшиеся из двух и более компонентов, делящиеся на расчленимые (*вот бы (Вот бы снега!; Вот снега бы!); вот и (Вот тебе и праздник!; Вот вам и праздник!; Вот и радуйся!); вот так (Вот так новость!; Вот всегда так!; Вот помог так помог!)* и др.) и на нерасчленимые (*а то, без того, глядь и, добро бы, если бы, и так, то ли не, того и смотри (что)* и др.)» (Русская грамматика 1980: 723–731).

Частицы в русском языке имеют две общепризнанные классификации с точки зрения их формального строения (Русская грамматика 1980: 723–731).

Первая делит частицы на первообразные и непервообразные. К первообразным относят простейшие частицы, не имеющие в современном русском языке живых словообразовательных связей и формальных соотношений со словами других классов (*бы, да* (в составе формы повелительного наклонения), *же, -ка, не, нет, ни, ну, таки, -то, уж*). Остальные частицы являются непервообразными (*а, бывает, вроде, лучше* и др.), они могут состоять из двух и более компонентов (*далеко не, едва ли не, как раз, отнюдь не, тем не менее* и др.).

Другая классификация делит частицы на простые и составные. Простыми называются частицы, состоящие из одного элемента (*а, авось, было, вовсе, гляди, даже, еще, именно, ладно, однако, окончательно, прямо, самое* и др.), составными, соответственно, – частицы, образовавшиеся из двух или более элементов, как правило, бывших двух частей, частицы и союза, частицы и предлога, а также частицы и изолировавшейся от своего класса глагольной формы или наречия. Составные частицы делятся на нерасчлняемые и расчлняемые. Компоненты нерасчлняемых частиц не допускают в предложении вставки между ними других слов (*а то, было б, до чего, еще бы, и то, как есть*). Компоненты расчлняемых частиц могут быть разделены в предложении другими словами (*вот так, едва не, лишь бы, пусть бы, так и, чуть ли не* и др.). Внутри составных частиц выделяются частицы-фразеологизмы: это слившиеся воедино несколько служебных слов (или служебных слов и изолировавшихся от своих классов наречий, форм местоименных слов, глаголов), живые отношения между которыми в современном языке отсутствуют (*нет-нет, точь-в-точь* и др.); такие частицы также могут быть расчлняемыми или нерасчлняемыми (*всего-навсего, точь-в-точь, нет-нет, нет чтобы, то-то*). Многие из перечисленных выше частиц, состоящие из двух и более компонентов, в толковых словарях не представлены в отдельных словарных статьях. Таким образом, для теоретической лексикографии встает проблема определения всех структурных типов и определение количественного состава русских частиц.

Следующей особенностью русских частиц является полифункциональность. Термин «полифункциональность» используется для определения взаимоотношений служебных слов друг с другом и со знаменательными словами. Полифункциональность – это употребление одной и той же лексической единицы в разных синтаксических функциях при сохранении единого семантического инварианта. Полифункциональная неоднородность служебных элементов, объединяемых в класс частиц, не позволяет обозначить их категориальную целостность.

Полифункциональность широко распространена среди служебных слов. Например, в определенной позиции, «союз становится частицей, не теряя тождества самому себе как лексема, и, по-видимому, наоборот: частицы в определенных позициях принимают союзную функцию» (Черемисина 1976:103). Е.А. Стародумова называет такие частицы гибридными словами.

Под гибридностью понимается «совмещение у какой-либо единицы признаков разных классов в одном и том же употреблении» (Стародумова 1996; 26).

Функции частиц могут выполняться словами других частей речи (наречиями, союзами, местоимениями, некоторыми глаголами и др.). Частицы, таким образом, обладают функциональной общностью с другими частями речи, что обуславливает их коммуникативно-прагматическую особенность в системе служебных слов, а их функциональное совпадение с наречиями, союзами, вводными словами, местоимениями, глаголами и прилагательными, определяет отсутствие противопоставленности им.

К таким полифункциональным единицам относятся:

1) частицы и наречия *абсолютно, буквально, вдруг, вовсе, как-то, лучшая, почти, практически, совершенно, совсем, уже, явно* и др.;

2) частицы и местоимения *всего, где-то, как-то, какой-то, какой-нибудь, какой, такой, какое, оно, самое, себе, тебе, чего, эдакий, это* и др.;

3) частицы и союзы, *а, будто, ведь, все же, все-таки, и, или, как, но, словно, также, тоже, ли, то есть, только* и др.;

4) частицы и вводные слова *бывало, вишь, дескать* и др.;

5) частицы и глаголы *брось, бывает, было, давай(те), дай(те), знай, смотри* и др.;

6) частицы и прилагательные *более, большие, лучшие, скорее* (Стародумова Е.А. 1996; 26). Наличие полифункциональности русских частиц соответственно порождает для лексикографии проблему омонимии и возможные варианты кодификации омонимов в словарной статье и в структуре толкового словаря.

Представленный материал показывает, что русские частицы, выполняющие различные функции в языке, характеризуются рядом особенностей. Морфологическая, структурная, семантическая и функциональная неоднородность, разнообразие параметров, характеризующих частицы, затрудняют их кодификацию в словарях. Таким образом, для того, чтобы словарная статья толкового словаря была максимально объективной и содержательной, необходимо при ее разработке учитывать перечисленные особенности каждой частицы в отдельности. Исходным положением для кодификации частицы в толковом словаре является признание за нею статуса лексической единицы, специфическими признаками которой являются прагматическая функция, релятивность, полисемия, многообразие структурных типов и полифункциональность.

Библиография

- Апресян Ю. Д. (1988), *Типы коммуникативной информации для толкового словаря*, [в:] *Язык: система и функционирование*, Сб. научн. тр., Москва, с. 10–22.
- Борисова Е. Г. (1999), *Принципы описания служебных слов*, Вестник МГУ. Серия 9, Филология, № 2, Москва, с. 70–85.

- Васильева Н. В. (1990), *Служебные слова*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, с. 472–473.
- Виноградов В. В. (2001), *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, изд. 4, Москва.
- Гладров В. (2004), *Что такое структурные слова? О вопросе частей речи как проблеме взаимообусловленности уровней языка*, Тез. докл. 2 Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», [в:] Труды и материалы. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. 18–21 марта 2004 г., Москва, с. 218–219.
- Золотова Г. А. (2004), Значение, функция и форма в языке, [в:] <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Zolotova.htm>
- Лекант П. А. (2001), *О грамматическом статусе частиц*, [в:] *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве*, Сб. научн. ст. к 80-летию проф. К.В. Горшковой, Москва, с. 391–393.
- Новиков Л. А. (2001), *Семантика русского языка*, [в:] *Избранные труды*. Т. 1. *Проблемы языкового значения*, Москва, с. 344–345.
- Русская грамматика* (1980), *Русская грамматика*: в 2 т. – т. 1, Москва, с. 723–731.
- Стародумова Е. А. (1996), *Русские частицы (письменная монологическая речь)*, [в:] Дис. д-ра филол. наук, Владивосток.
- Торопова И. А. (2001), *Ракурсы исследования частиц*, [в:] Вестник Ивановского университета, № 1, Иваново, с. 86–96.
- Черемисина М. И. (1976), *Сравнительные конструкции русского языка*, Новосибирск, с. 103.

Aleksandr Tsoi

RUSSIAN PARTICLES AS OBJECT OF A LEXICOGRAPHY

(Summary)

This article offers the ways to achieve adequate codification of the Russian particles in the thesaurus's entries. To achieve the object of the topic, there have been solved following problems: 1) the reasons of wrong codifications of the Russian particles in the Russian thesaurus are being established; 2) ways of formation of the derivative particles are revealed; 3) structural types of Russian particles are identified; 4) elements of attributes of the Russian particles in the entry are being established.

Keywords: Russian lexicography, Russian particles, types of the particles, codification elements of Russian particles in an entry.